

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904

Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики*

О.Б. Божков¹, А.М. Никулин², И.К. Полещук²

¹Социологический институт — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: olegbozh@gmail.com; harmina@yandex.ru; poleshchuk-ik@ranepa.ru)

На основе обзора литературы о соотношении кооперации и самоорганизации в сельском развитии России и других стран мира, а также с учетом новейших тенденций международного кооперативного движения в статье анализируются материалы социологических исследований, проводившихся в 2005–2008, а затем в 2018–2019 годы в девяти сельских районах пяти субъектов Российской Федерации: Ленинградской, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Тверской областей Северного Нечерноземья. Эмпирические исследования представляли собой повторные кейс-стади, основанные на сочетании количественных и качественных методик. Авторы рассматривают историческую и современную специфику кооперации и самоорганизации Нечерноземья в сравнении с другими российскими регионами; характеризуют теоретические и практические различия между понятиями «кооперация», «самоорганизация», «взаимопомощь»; предлагают использовать понятие «симбиоз» для аналитического объяснения парадоксов взаимодействия традиций и инноваций в практиках сельской кооперации и взаимопомощи. В заключительной части статьи представлены конкретные эмпирические примеры из социологических исследований в Северном Нечерноземье, на основе которых дается оценка эффективности кооперации местных предпринимателей и сельских сообществ в сочетании с мерами и программами государственной поддержки в кооперативной сфере. Авторы особенно подчеркивают важность симбиоза формальных и неформальных практик кооперации на местах, что требует проведения чрезвычайно гибкой кооперативной политики, которая призвана преодолеть наследие исключительного бюрократического советского регулирования и возродить историческое наследие местной самоорганизации сельских сообществ.

Ключевые слова: кооперация; самоорганизация; взаимопомощь; симбиоз; колхоз; неформальная экономика; экономическая политика; сельские сообщества

Сельская кооперация, взаимопомощь и самоорганизация

В наших полевых исследованиях сельского предпринимательства в регионах сельского Нечерноземья, в интервью с сельскими респондентами нам приходилось часто затрагивать вопросы кооперации на селе. Обобщая полученные ответы, можно привести такой типичный набор мнений: кооперация — это, наверное, хорошо, но колхозы советских времен развалились, деятельность потребительской кооперации почти незаметна, о кредитной кооперации мы

* © Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К., 2020

Статья поступила 24.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

слышали, но страшно связываться с какими-то кооперативными кредитами; в целом на селе кооперация нужна, но из-за разобщенности и недоверия между сельскими жителями, фермерами и предпринимателями, из опасений связываться с официальной бюрократической отчетностью кооперация у нас развита слабо. Этот типичный скептический ответ о сельской кооперации можно услышать не только на Русском Севере, но и во многих других регионах сельской России, и исследователи кооперативного движения находят ему достаточно много объяснений [см.: 6; 9].

Что касается исторического кооперативного опыта России, то в начале XX века происходил бурный и разнообразный рост отечественной сельскохозяйственной кооперации, который был деформирован и прерван советскими экономическими экспериментами. Национализация и коллективизация привели, с одной стороны, к исчезновению многих форм и отраслей кооперации; с другой стороны, к огосударствлению и бюрократизации кооперации. В результате после распада СССР постсоветские колхозы и потребкооперация в большинстве случаев оказались неспособны успешно развиваться в новой рыночной конкурентной среде, особенно в условиях тяжелейшего экономического кризиса 1990-х годов, а также невнятной и противоречивой государственной аграрной политики. Впрочем, и новые рыночные кооперативные формы, например, кредитные кооперативы, оказались малоуспешными вследствие накопившегося разочарования и недоверия населения к понятию «кооперация», тем более что становление новых кредитных кооперативов также требовало значительных финансовых средств, высокого профессионализма кооперативных кадров, государственных гарантий и общественного энтузиазма — всего, чего до сих пор не хватает в российском сельском развитии.

Неудачи современной кооперации нельзя списывать исключительно на тягостно огосударственное советское кооперативное наследие или непродуманную постсоветскую кооперативную политику. Не только в сельской России, но в большинстве регионов мира социально-экономический дух времени веет отнюдь не в кооперативном направлении, испытывая на прочность кооперативные заветы и запутывая поиски новых кооперативных решений. Мировая сельскохозяйственная кооперация находится на тревожном распутье, и на основе опыта сельскохозяйственной кооперации ЕС и других стран можно выделить ключевые тенденции ее развития в мире: «корпоративизация кооперативов — они все больше уходят от социальных идей и все больше ориентируются на методы и формы управления, присущие корпорациям; угасание исторической значимости кооперативов — агрохолдинги, альтернативные виды фермерских объединений, ассоциации, союзы, самостоятельное фермерство и др. на протяжении нескольких десятилетий замещают кооперативные формы в сельском хозяйстве; снижение потребности в кооперативах в условиях развития личного транспорта, связи, адресной государственной поддержки и финансирования некоммерческих организаций, сельских консультационных служб, прямых продаж, развития цифровых технологий... — множество сервисов „под ключ“»

может просто снимать для фермера необходимость кооперироваться; глобализация — сельскохозяйственные рынки все больше концентрируются, семена, удобрения, техника, розничные и оптовые продажи, логистика... становятся все больше открыты для крупного капитала, выдержать конкуренцию с которым у мало капитализированных кооперативов не получается; конвергенция — кооперативные принципы зачастую проникают и в коммерческие организации., которые порой могут в большей степени демонстрировать кооперативные принципы работы, чем формальные кооперативы, которым не удается воплотить кооперативные идеи на практике; разнообразие — в различных странах и отраслях активно используются различные формы кооперативов, методы управления ими и государственной поддержки; огосударствление — многие крупнейшие кооперативы становятся проводниками государственной сельскохозяйственной политики и уже не могут называться кооперативами в чистом виде; отсутствие идентичности — во всем мире кооперативы теряют свою идентичность, нет общепринятых понятий, определений, принципов, практических моделей, законов» [11].

Если во всем мире и даже в традиционно развитых кооперативных сообществах Запада настали столь непростые для кооперативов времена, то что уж говорить о сельскохозяйственной кооперации России, в основном утратившей огосударствленные советские ресурсы, но не приобретшей взамен ресурсы социально-рыночно ориентированной кооперации. Впрочем, следует помнить, что со времен славных теорий и практик кооперации А.В. Чаянова именно кооперативы порой стремились стать «третьей» силой между институтами государства и рынка, выступая в роли посредника между государственными и рыночными стихиями и стараясь сформировать особую институциональную регионально-отраслевую хозяйственную культуру поддержки и развития, прежде всего, местных сельских домохозяйств и локальных сообществ [17].

В современном виде чаяновская идеология кооперации была развита в концепции эксполярных/неформальных экономик Т. Шанина, утверждавшего, что между глобальными институциональными силами нашего времени — государством и рынком — существует значительный, но малозаметный и малоизученный мир неформальных экономик домохозяйств и сообществ, часто со своими кооперативными практиками [7]. Из эксполярной концепции экономик следует, что разнообразные неформальные институты кооперации — от традиционных деревенско-соседских отношений взаимопомощи до неформальной заботы социально ориентированных местных предприятий и предпринимателей о порядке и благоустройстве сельских территорий — часто оказываются повседневной силой сохранения и развития местной сельской жизни, особенно в условиях провалов официальной, формальной политики сельского развития [15].

Из этой концепции также следует, что поиски компромисса, признание права эксполярных экономик домохозяйств взаимодействовать в легальных и

равноправных партнерских отношениях с государством и рынком через создание специальных институциональных проектов локального развития будет способствовать созданию более устойчивой среды для сохранения и развития сельских территорий. В разных российских регионах вырабатываются и апробируются разнообразные практики взаимодействия местных домохозяйств и сообществ с государственной, муниципальной властью, бизнесом, например, в реализации грантовых проектов территориального общественного самоуправления и других региональных форм самоорганизации сельского населения [1].

Сельские кооперативы: проблемы дифференциации и стагнации

Когда мы говорим о российских сельскохозяйственных кооперативах, нельзя забывать об аграрно-региональном разнообразии нашей страны. К сожалению, статистика российской сельскохозяйственной кооперации в региональном разрезе неполна и фрагментарна. Например, если мы посмотрим на карту зарегистрированных сельскохозяйственных потребительских кооперативов по субъектам Российской Федерации (Рис. 1), то обнаружим, во-первых, сильную региональную дифференциацию, во-вторых, скромные показатели потребительской кооперации в регионах Северо-Запада.

Рис. 1. Число сельскохозяйственных потребительских кооперативов на 1 января 2018 года (по данным государственной регистрации)

Мы видим, что в группу лидеров входят, кроме богатых природными и аграрно-экономическими ресурсами южных плодородных регионов, и регионы рискованного и спорадического сельского хозяйства. Такая природно-

экономическая и национальная парадоксальная поляризация может объясняться созданием благоприятных организационных и финансовых условий для потребительских кооперативов не только на плодородном юге, но и в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также в ряде национальных республик с льготным кредитованием кооперации. Конечно, важен и субъективный фактор кооперативной энергичности как регионального руководства, так и самих кооператоров, поэтому, видимо, ряд южных богатых и дотационных северных регионов не вошли в лидеры сельскохозяйственной потребительской кооперации. В явно отстающие регионы по уровню развития потребительских кооперативов попали северные территории с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства, а также северо-запад — Мурманская и Псковская области. В целом северо-западные регионы (за исключением Вологодской области) находятся среди территорий умеренного и низкого уровня кооперативного развития [9]: в составе 35 отстающих оказались Архангельская, Ленинградская, Новгородская, Тверская, Псковская области, Республики Карелия и Коми.

Обратимся к динамике развития кооперативов в Северо-Западном федеральном округе (Табл. 1).

Таблица 1

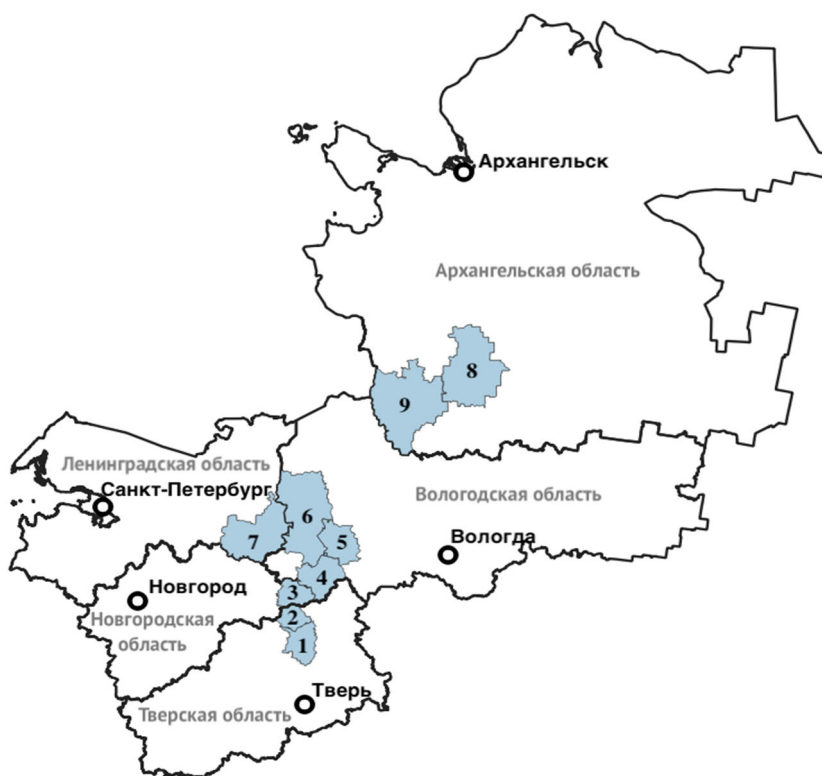
Количество кооперативов в Северном Нечерноземье в 2015–2018 годы [6]

Регионы	2015	2016	2017	2018
Северо-Западный федеральный округ	268	255	233	214
Республика Карелия	2	2	1	1
Республика Коми	13	12	11	10
Архангельская область	24	23	17	16
Ненецкий автономный округ	19	18	18	18
Вологодская область	81	77	71	69
Калининградская область	14	14	10	8
Ленинградская область	13	12	11	10
Мурманская область	2	2	3	3
Новгородская область	24	22	20	18
Псковская область	75	72	70	60
Санкт-Петербург	1	1	1	1
Центральный федеральный округ	848	758	728	693
Тверская область	126	111	96	120

В последнее время количество кооперативов во всех регионах Северного Нечерноземья медленно и неуклонно снижается. Лидерами по количеству кооперативов являются Вологодская и Тверская область, последняя, впрочем, административно находится уже в Центральном федеральном округе. Лидерство

Вологодской области можно объяснить как исторически мощной кооперативной традицией, берущей начало в успехах еще дореволюционных маслодельных кооперативных артелей, так и тем, что область является одним из лидеров аграрного производства всего Нечерноземья. Лидерство Тверской области можно объяснить ее выгодным географическим положением между двумя российскими столицами. Конечно, внутри каждой области Северного Нечерноземья можно обнаружить собственную внутреннюю дифференциацию районов по развитию сельскохозяйственных кооперативов.

Мы стремились обследовать районы внутриобластной глубинки, расположенные на удаленных перифериях областей [4], т.е. в силу природно-экономических условий «центр — периферия» экономически слабо развитых относительно, например, районов вблизи областных центров (Рис. 2).

Рис. 2. Зона обследованных районов

I — Тверская область, *II* — Новгородская, *III* — Вологодская, *IV* — Ленинградская
Районы: 1 — Максатихинский, 2 — Лесной, 3 — Пестовский, 4 — Устюженский, 5 — Кадуйский,
6 — Бабаевский, 7 — Бокситогорский, 8 — Няндомский, 9 — Каргопольский
(все районы — типичная сельская периферия, максимально удалены от областных центров)

В Таблице 2 представлены сведения о формах организации и собственности хозяйств, в которых проводились обследования. К прочим отнесены ЗАО, ОАО, АО и т.д., многие из которых уже ушли в прошлое. Кроме того, в 2005–2008 годы исследования в Архангельской области не проводились.

Формы организации и собственности обследованных хозяйств

2005–2008	Районы	Колхоз	СПК	КФХ	ООО	Прочие	Всего
Тверская область	Максатихинский	3	12			3	18
	Лесной	4	2	4			10
Новгородская область	Пестовский	10	1	3			14
Вологодская область	Устюженский		4	2	3	3	12
	Кадуйский		1		4		5
	Бабаевский	6		2	1	2	11
Ленинградская область	Бокситогорский				1	2	3
Всего		23	20	11	9	10	73
2018-2019	Районы	Колхоз	СПК	КФХ	ООО	Прочие	Всего
Тверская область	Максатихинский		2	5		3	10
	Лесной	3	1	1			5
Новгородская область	Пестовский	1		8	3	1	13
Вологодская область	Устюженский		2	3	2	3	10
	Кадуйский		1	1	2		4
	Бабаевский	4		6			10
Ленинградская область	Бокситогорский			13	4		17
Архангельская область	Няндомский		1	1	2		5
	Каргопольский			1	2		3
Всего		8	6	37	11	7	69+8

Большинство наших респондентов, представители этих предприятий, когда речь заходила о кооперативах, утверждали, что местная сельскохозяйственная кооперация развита слабо и неэффективна. С другой стороны, официальные представители областной и районной власти подчеркивали, что на местах есть органы, курирующие вопросы поддержки и развития сельскохозяйственной кооперации. Имеются соответствующие страницы областных и районных сайтов, на которых (пусть не часто) размещается и обновляется общая статистическая информация о кооперативах и их поддержке [см., напр.: 3; 5]. Респонденты утверждали, что для развития кооперации нужно больше инвестиций из федерального бюджета — с этими деньгами удалось бы преодолеть кооперативную пассивность, недоверие и равнодушие.

Официальные кооперативные мероприятия и реальные кооперативные практики

Те, кто занимается сельским предпринимательством, формируют в деревне информационно-кооперативный социальный слой [4]. Зона наших обследований охватывает обширную территорию — примерно 250 км с запада на восток и столько же с севера на юг. Нас удивил тот факт, что в разговоре в Устюженском районе («дальний восток» Вологодчины), когда мы без имен вспомнили случай из жизни предпринимателя из северной части Бабаевского района (крайняя северо-западная точка Вологодской области), наш респондент неожиданно спросил: «Это случайно не мой друг Сережа Юшкевич?», а

мы имели в виду именно его. В наших интервью немало свидетельств взаимопомощи между фермерами и бывшими колхозами. Взаимопомощь можно рассматривать и как частный случай кооперации. Принципиальная разница состоит в том, что взаимопомощь, как правило, бескорыстна (если человек, оказавший помощь, требует деньги, значит, воспринимает помощь как услугу, работу, которая должна быть оплачена), тогда как кооперация предполагает определенный экономический эффект. Кроме того, взаимопомощь обычно привязана к конкретной ситуации, чаще спонтанной, хотя и требует согласования места и времени взаимодействия. С дореволюционных времен и примерно до 1950-х годов в российских деревнях существовал институт помочи (совместный неоплачиваемый добровольный труд крестьян, нередко принимавший форму ритуального праздника) — эта социальная практика ярко описана советскими писателями-деревенщиками, например, Ф. Парфеновым и В. Беловым.

Кооперация требует функциональной определенности и четко оговоренных правил (например, Устава кооператива). Теоретик крестьянской кооперации А.В. Чаянов выделяет ряд основных функциональных направлений кооперативной деятельности: сбытоснабженческие; кредитные; транспортные; перерабатывающие; строительно-ремонтные; по использованию техники; по снабжению кормами, запчастями, семенами, элитным скотом, электричеством, водой и т.д. [16]. Но с функциональной определенностью и четко оговоренными правилами часто возникают сложности, тем более в условиях, когда государственная поддержка сельских предпринимателей, как правило, выборочна, недостаточна и обременена излишним контролем и жесткими условиями.

Приведем несколько примеров. Так, фермер из деревни Бойлово Кадуйского района Вологодской области с небольшими приключениями получил грант в 1,4 млн рублей — как начинающий предприниматель. По его словам, если бы он знал, сколько это добавит ему мороки, не стал бы связываться. Можно вспомнить историю банкротства фермера из Борисово-Судского (Бабавский район), который имел неосторожность взять большой кредит в Россельхозбанке для развития производства; историю картофелевода из деревни Никола (Устюженский район), взявшего в аренду землю, заросшую лесом, и получившего незаслуженный штраф в полмиллиона рублей. Безусловно, такие печальные опыты в сельской местности быстро становятся общеизвестными и не способствуют кооперативному единению.

Почему же сельские предприниматели (за исключением очень немногих) предпочитают действовать в одиночку? Понятно, что здесь имеется целый комплекс причин, но немаловажно слабое знание действующего законодательства. Уследить за постоянно изменяющимися законами — дело нелегкое. Так, 131-й закон о местном самоуправлении, принятый в 2003 году, за 17 лет претерпел более ста изменений; 193-й закон о сельской кооперации, принятый в 1995 году, менялся каждый год, а в некоторые годы по 2–3 раза, и

претерпел в общей сложности 27 изменений и дополнений. По сути, закон о местном самоуправлении был переписан, но не стал существенно лучше. Напротив, местное самоуправление, особенно сельское, оказалось фактически бесправным. Что касается закона о сельской кооперации, то уже в первой его статье, где определены основные понятия, некоторые из определений требуют просто перевода на понятный русский язык или, по крайней мере, детального разъяснения.

Приведем пример из Максатихинского района Тверской области — законодательных проблем для кооператива в получении им грантовой поддержки. В марте 2019 года депутат Госдумы С.В. Максимова, находясь в рабочей поездке по району, посетила СПК «Тифинский» для встречи с тружениками села, где побеседовала с руководителем Алексеем Шаталовым, сообщившим, что за два месяца 2019 года валовое производство молока в его хозяйстве составило 36 тонн, надой на корову — 429 килограммов; в кооперативе имеются два трактора, автомобиль, тракторный прицеп, две косилки, сеялка, пресс-подборщик; среднесписочный состав — 15 человек; средняя зарплата — 10 тысяч рублей. Дальнейший разговор в конторе хозяйства был зафиксирован в местной прессе: *«Положение у нас очень сложное. Из-за убыточного баланса мы не можем рассчитывать на льготные кредиты. А брать кредит в банке под 17% — значит, загнать себя в кабалу. Грантовая поддержка также не касается СПК. Вот и получается, что с каждым годом выживать становится все труднее. Надо как-то законодательно поддерживать малых сельхозпроизводителей»*. *«Вам надо попробовать перерегистрироваться в фермерское хозяйство или создать кооператив из фермерских хозяйств, тогда легче будет получить финансовую поддержку»*, — заметила депутат. *«Мы думаем об этом... Но надо сделать все грамотно, а то есть примеры, когда подобный переход заканчивался полным развалом хозяйства. Если у Вас есть знающие юристы или положительные примеры перерегистрации, помогите нам. У руководителя, коллектива есть желание работать, но нужна „дорожная карта“, которая поможет выйти из кризиса, даст надежду, что в наших непростых условиях можно жить и трудиться»* [10].

Независимо от официального кооперативного контроля на селе действуют местные неформальные практики сохранения и развития основ взаимопомощи и кооперации. Одна из таких практик — сохранение атрибутов колхозного кооперативизма под руководством частного предпринимателя в новых рыночных условиях в рамках одной деревни. Другая практика — симбиоз солидарных действий мелких предпринимателей лесопереработки и молочного производства в рамках одного района.

Колхоз Каргополья как неформальный союз предпринимателя с местным сообществом

Каргополье — южная территория Архангельской области и исторически один из самых далеких районов регулярного сельского хозяйства на севере

России, где за полвека исчезло почти 120 сельских поселений. Яркий пример противодействия неуклонному исчезновению северной деревни — судьба Ступино. Сегодня это самая удаленная деревня Каргополья, расположенная в гуще архангельских таежных лесов на берегу живописного Покровского озера, в 150 километрах от райцентра и в 90 километрах от ближайшего железнодорожного пункта. Деревня была основана в XVIII веке — по берегам озера Ильинского и вытекающих из него речек появлялись так называемым «кустом» мелкие деревеньки в 10–15 дворов. Деревня Ступинская оказалась в центре куста и в советское время превратилась в небольшую центральную усадьбу местного колхоза. К концу советского периода в Ступинской жило чуть более 400 человек, сегодня — 200.

По своему экономико-географическому положению в сельской экономике Ступинская невыгодно расположена, но живет и даже развивается среди остальных давно исчезнувших или стремительно исчезающих населенных пунктов Каргополья. Безусловно, в исчезновении сел и деревень важны объективные, внешние факторы экономико-географического местоположения, но не менее важны факторы социальной и культурной организации местного общества. В целом ряде российских регионов в последние десятилетия отмечалась более высокая выживаемость сельских поселений, сохранивших традиционные ценности сельских миров: этнические, религиозные, общинные.

На первый взгляд, Ступинская не обладает особыми сельскими традиционалистскими добродетелями. Это не старообрядческое село, держащееся укорененной религиозной дисциплины, не татарское или башкирское село, в котором значимы ценности традиционного этнического уклада сельской жизни. В Ступинской до сих пор преобладают местные жители, но в условиях глобальной рыночной экономики и сурового северного Нечерноземья должны быть особые причины сохранения местного сообщества. К таковым относятся, прежде всего, личностные факторы сплочения и развития сообщества. Уже в позднесоветское время одним из таких влиятельных факторов, типичных для колхозных сообществ, стал толковый хозяин — председатель колхоза. Им оказался ступинский уроженец, руководивший ступинским хозяйством с середины 1960-х до конца 1980-х годов. При нем социальное пространство Ступинской обрело те формы, которые до сих пор сохраняются. В советские времена небольшой ступинский колхоз исправно и ладно специализировался на молочном животноводстве, органично сочетаемом с экономической личными подсобных хозяйств и лесных промыслов. Депрессивные постсоветские сельские 1990-е годы оказались тяжелыми и для Ступинской — с крахом плановой экономики ступинское общественное хозяйство фатально разрушалось, а его руководители не могли найти пути сбыта молока и обновления производства.

На рубеже 2000-х годов ступинская сельская экономика стремилась к банкротству, выживая лишь благодаря интенсификации самообеспечения в личных подсобных хозяйствах и заработками на лесозаготовках. В это время

начался исход местных жителей, а среди оставшихся разрастались негативные практики пьянства и хулиганства. После банкротства бывшего колхозного хозяйства ему была подарена вторая жизнь с приходом кризисного управляющего А.Н. Холодкова, возглавившего СПК «Сельскохозяйственная артель (колхоз) „Ступинское“». Ему удалось в короткий срок получить кредиты для реанимации хозяйственной деятельности двух молочных ферм, традиционно для этих мест сочетая производство молока с лесопереработкой. В скором времени ступинские фермы стали одними из самых производительных не только в районе, но и в Архангельской области. За явные хозяйственные успехи, поддержание и развитие социальной сферы Ступинской Холодков был избран депутатом Законодательного собрания Архангельской области, что добавило ему определенный административный ресурс для дальнейшего развития ступинской экономики.

Как это свойственно многим сельскохозяйственным предпринимателям постсоветской поры, Холодков успешно сочетает элементы капиталистического менеджера и советского хозяйственника. Например, он приобрел в собственность значительную часть паевого имущества бывшего колхоза, ныне СПК, став фактически главным собственником предприятия, но при этом он старательно поддерживает идеологию исторической преемственности своей деятельности с колхозным управлением. На стенах конторы сельхозпредприятия висят стенды с фотографиями, документами, графиками как колхозной поры, так и современной. Сам председатель перед работниками хозяйства и жителями села всячески подчеркивает ценность колхозных и советских традиций.

Хотя роль руководителя хозяйства велика, надо отметить и активизм других жителей деревни. Например, именно в Ступинской одним из первых был построен сельский храм. Здесь оказалось достаточно деятельное и инициативное религиозное сообщество, возглавляемое церковным старостой. Кроме православной общины, в Ступинской проявила себя и территориальная организация самоуправления (ТОС), реализовав несколько проектов по благоустройству деревни (например, ТОС принял участие в сооружении небольшой деревянной гостиницы для туристов и гостей).

Значимым событием в жизни Ступинской стала неудачная попытка рейдерского захвата местного сельхозпредприятия, предпринятая бизнесменами-лесопромышленниками из Архангельска. Семь лет назад рейдеры на джипах, преодолев апрельскую распутицу дороги, нагрянули в момент проведения общего собрания трудового коллектива с критикой руководителя Холодкова и щедрыми предложениями по скупке паев у местных работников для смены собственника. «Варяги» обещали «золотые горы» в случае их прихода к власти. Руководитель предприятия и идущее за ним большинство работников все же полагали, что неожиданных покупателей интересовала быстрая и хищническая вырубка окрестных лесов с распродажей мясомолочной отрасли ступинской экономики. В результате большинство ступинцев проявило солидарность с руководителем, предпочтя тут же ему продать свои земельные паи — председатель получил контрольный пакет в управлении собственностью предприятия.

В настоящее время экономика Ступинской по-прежнему сохраняет все отвоеванные позиции и проводит модернизацию двух молочных ферм, чьи надои остаются стабильно высокими. Председателю хозяйства удается сочетать занятость работников в лесозаготовках и молочном животноводстве. Используя административный ресурс депутата, он выбивает дополнительные дотации на развитие не только экономической, но и социальной сферы Ступинской. ГОСы и местная церковная община успешно реализуют проектные инициативы по благоустройству села. Таким образом, комбинация толкового руководителя местного сельскохозяйственного предприятия с неутраченной способностью к активистской деятельности местного сообщества способствовали отстаиванию и развитию автономного существования этой локальной территории, прежде всего, через институциональную структуру СПК — бывшего колхоза.

Неформальный кооперативный симбиоз предпринимателей

Практика симбиотического социально-экономического контроля и перераспределения местных ресурсов сельских сообществ основана на сосуществовании и взаимопроникновении локальных отраслей местного хозяйства, сращивании формальных и неформальных социально-экономических практик капитала. Как правило, симбиотические модели свойственны нечерноземным регионам России, периферийным территориальным зонам, но все же не таким «медвежьим углам», как вышеописанный каргопольский СПК. Кроме того, сообщества симбиотических моделей часто являются центрами сельских муниципальных образований, а иногда даже сельскими райцентрами.

Рассмотрим симбиотические практики на примере Тарногского района Вологодской области [2]. Примером неформального симбиотического кооперативизма является Тарногский городок — райцентр, расположенный на северо-восточной периферии области. В нем проживает чуть больше трех тысяч жителей. С точки зрения формальных экономико-географических характеристик это невыгодное расположение — вдали от областного центра, железной дороги и федеральной автомобильной трассы. Тем не менее, показатели экономического развития этого района — одни из самых стабильных и успешных в Вологодской области. На наш взгляд, причины успеха — искусное симбиотическое неформальное кооперирование хозяйственных отраслей и социальных институтов.

Так, в Тарногском городке и его окрестностях на протяжении последних десятилетий успешно сосуществуют лесопереработка и сельское хозяйство малых и семейных предприятий, рассредоточенных по окрестным кустовым селениям (10–15 дворов). В 2016 году в районе работало 95 малых лесоперерабатывающих предприятий, которые занимались кустарной обработкой древесины для местного рынка, производством пиломатериалов с разветвленной системой контрагентов, переработкой отходов деревообработки (топливные брикеты, подстилки для скота, наполнители для туалетов). Также в Тарногском районе работает 11 малых молочных предприятий, созданных на руинах

советских колхозов. Большинство молочных предприятий аффилированы с местной лесопереработкой. В целом здесь считается, что лесом заниматься выгоднее, чем сельским хозяйством, поэтому районная муниципальная власть навязывает и поощряет симбиоз предприятий лесного и сельского хозяйства. Немаловажную роль играет сохранившийся с советских времен местный молокозавод — у производителей молока нет проблем со сбытом продукции. Молокозавод снабжает молоком и маслом не только районы Вологодской области, но и некоторые районы Архангельской области.

Таким образом, гибко симбиотически интегрированная система взаимодействия малых предприятий лесной и сельскохозяйственной отраслей обеспечивает устойчивое развитие Тарногского городка. Причем это сообщество не автаркично: тарногские переработчики — известные поставщики лесоматериалов на строительных рынках даже Москвы. В зависимости от рыночной конъюнктуры, малые тарногские предприятия умело совершают маневры по перераспределению трудовых и финансовых ресурсов между лесоперерабатывающими и сельскохозяйственными отраслями. Другая причина экономических успехов Тарногского городка на фоне в целом депрессивных соседних районов — особое качество местного социального капитала, ориентированного, прежде всего, на гибкое и квалифицированное совмещение лесопереработки, сельскохозяйственной занятости и лесных промыслов (сбор дикоросов). В результате численность жителей Тарногского городка за последние тридцать лет практически не изменилась, оставаясь у границы в 3200 человек, что является очень хорошим показателем на фоне значительной постсоветской депопуляции большинства сел северного Нечерноземья.

Крупный бизнес — как лесной, так и сельскохозяйственный — пока обходит стороной эту местность. В лесном деле крупному бизнесу не хватает тарногского леса, изрядно повырубленного за последние десятилетия. Кроме того, крупному бизнесу привлекательней инвестировать деньги в оставшееся с советских времен предприятие крупного леспромхоза, чем иметь дело с каждым из девяноста мелких лесных предприятий. Хотя крупный лесной агрохолдинг — более высокопроизводительное предприятие, использующее более мощную и современную технику, чем мелкие лесоперерабатывающие хозяйства, последние обеспечивают району более высокую занятость местного населения, производят более разнообразный ассортимент продукции по сравнению с лесным холдингом, ориентированным, прежде всего, на выпуск массовой, но, как правило, однообразно стандартизированной продукции. Наконец, малые лесоперерабатывающие предприятия платят налоги сразу в местный районный бюджет.

***

Как показывают общероссийские исследования [см., напр.: 8; 14] и изучение сельскохозяйственных кооперативов в отдельных районах [см., напр.: 12; 13], кооперация в России находится в состоянии застоя. Конечно, сказывается

многолетний исторический груз ошибок советского огосударствления кооперации, до сих пор определяющий забюрократизированность кооперативной деятельности в центре и на местах, а также частое недоверие и апатию населения по отношению к кооперативным начинаниям. Для успешного развития кооперативных форм, помимо компетентных и преданных делу кооперации лидеров, необходима благоприятная локальная и региональная среда, в которой кооперация способна к укреплению и развитию. Как показало наше исследование в Северо-Западном регионе, там, где исторически сохранилось больше кооперативных исторических корней (например, кооперативный «бренд» регионального развития в Вологодской области или солидарность малых сообществ в Архангельской области), имеется больше возможностей для успешного и устойчивого развития кооперации. И пусть часто она носит неформальный характер, значительно отклоняясь от классических кооперативных чаяновских канонов столетней давности, главное, что такая кооперация надежно обеспечивает выживание и развитие местных домохозяйств, малых форм бизнеса и локальных сообществ сельской России. Кроме того, как свидетельствует исторический и современный опыт кооперативного развития, его успех невозможен без широкой популяризации успешных примеров возникновения и развития различных форм кооперации.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Библиографический список

- [1] *Аверкиева К.В.* Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 4.
- [2] *Аверкиева К.В.* Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
- [3] *Бажанова И.* «От развития кооперации — к улучшению качества жизни на селе» // URL: <http://dvinanews.ru/-tbr91110>.
- [4] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. Т. 18. № 4.
- [5] В Архангельской области создан центр компетенций в сфере сельского хозяйства // URL: <https://region29.ru/2019/07/18/5d305f15764de972f20b3c62.html>.
- [6] *Куракин А.А.* 20 лет закону «о сельскохозяйственной кооперации» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.
- [7] Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина и др. М., 1999.
- [8] О состоянии сельских территорий Российской Федерации в 2015–2018 годах. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М., 2018.
- [9] *Овчинцева Л.А.* Возможные направления кооперативного развития в регионах Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. № 5.
- [10] *Озеров Е.* Селу нужна помощь // Вести Максатихи. 26 марта 2019 года.
- [11] *Соболев А.В., Пахомов В.М., Рыкалин А.С.* Сельскохозяйственные кооперативы: институциональный и региональный подтекст // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2020. № 1.

- [12] *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [13] *Троцук И.В.* Мониторинги развития сельских территорий: «количество», «качество» или их сочетание? // Материалы IX Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир». М., 2019.
- [14] *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
- [15] *Фадеева О.П.* Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. 2019. № 4.
- [16] *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М., 1989.
- [17] *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904

Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: formal and informal practices*

O.B. Bozhkov¹, A.M. Nikulin², I.K. Poleshchuk²

¹Sociological Institute — branch of the FCTAS RAS
7th *Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia*

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: olegbozh@gmail.com; harmina@yandex.ru; poleshchuk-ik@ranepa.ru)

Abstract. Based on the review of the research on the relationship between cooperation and self-organization in the rural development of Russia and other countries, and also taking into account the recent trends in the international cooperative movement, the authors present the results of the sociological research conducted in 2005–2008, and then in 2018–2019 in nine rural areas of five subjects of the Russian Federation: Leningrad, Vologda, Novgorod, Arkhangelsk and Tver Regions of the Northern Non-Black-Earth Region. These empirical studies were comparative case studies based on a combination of quantitative and qualitative approaches. The authors consider the historical and contemporary specifics of cooperation and self-organization of the Non-Black-Earth Region as compared to other Russian regions; identify theoretical and practical differences between the concepts ‘cooperation’, ‘self-organization’, ‘mutual assistance’; propose to use the concept ‘symbiosis’ for the analytical explanation of paradoxes of the interaction of traditions and innovations in practices of rural cooperation and mutual assistance. In the final part of the article, the authors provide empirical examples from their sociological studies in the Northern Non-Black-Earth Region, which prove the efficiency of cooperation between local entrepreneurs and rural communities, especially provided measures and programs of the state support to cooperation. The authors emphasize the importance of the symbiosis of formal and informal local cooperative practices, which requires an extremely flexible cooperative policy in order to overcome the legacy of the Soviet bureaucratic overregulation and to revive the historical legacy of the local self-organization of rural communities.

Key words: cooperation; self-organization; mutual assistance; symbiosis; collective farm; informal economy; economic policy; rural communities

---

* © O.B. Bozhkov, A.M. Nikulin, I.K. Poleshchuk, 2020

The article was submitted on 05.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

Referenses

- [1] Averkieva K.V. Mozhem vmeste! Realizatsiya obshchestvennykh initsiativ po-totemski [We can do it together! Community initiatives in the Tot'ma style]. *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (4) (In Russ.).
- [2] Averkieva K.V. Simbioz selskogo i lesnogo khozyaystva na staroosvoennoy periferii Nechernozemiya: opyt Tarnogskogo rayona Vologodskoy oblasti [Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black-Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4) (In Russ.).
- [3] Bazhanova I. “Ot razvitiya kooperatsii — k uluchsheniyu kachestva zhizni na sele” [“From the development of cooperation to improving the quality of rural life”]. URL: <http://dvinanews.ru/-tbr91110> (In Russ.).
- [4] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [5] V Arkhangel'skoy oblasti sozdan tsentr kompetentsiy v sfere selskogo khozyaystva [In the Arkhangel'sk Region, there is a new center of competencies in agriculture]. URL: <https://region29.ru/2019/07/18/5d305f15764de972f20b3c62.html> (In Russ.).
- [6] Kurakin A.A. 20 let zakonu “o selskokhozyaystvennoy kooperatsii” [20 years of the Law “On Agricultural Cooperation”]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (1) (In Russ.).
- [7] *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russian and the World]. Pod red. T. Shanina i dr. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [8] O sostoyanii selskikh territoriy Rossiyskoy Federatsii v 2015–2018 godakh. Yezhegodny doklad po rezultatam monitoringa [On the State of Rural Areas of the Russian Federation in 2015–2018. Annual Monitoring Report]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [9] Ovchintseva L.A. Vozmozhnye napravleniya kooperativnogo razvitiya v regionakh Rossiyskoy Federatsii [The prospects for the development of cooperatives in regions of the Russian Federation]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2018; 5 (In Russ.).
- [10] Ozerov E. Selu nuzhna pomoshch [Village needs help]. *Vesti Maksatikhi*. March 26, 2019 (In Russ.).
- [11] Sobolev A.V., Pakhomov V.M., Rykalin A.S. Selskokhozyaystvennyye kooperativy: institutsionalny i regionalny podtekst [Agricultural cooperatives: Institutional and regional subtext]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2020; 1 (In Russ.).
- [12] Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [13] Trotsuk I.V. Monitoringi razvitiya selskikh territoriy: “kolichestvo”, “kachestvo” ili ikh sochetanie? [Rural development monitorings: “Quantity”, “quality”, or a combination of both?]. *Materialy IX Grushinskoy konferentsii “Sotsialnaya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir”*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovet'skoy agrarnoy reforme v Rossii: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [15] Fadeeva O.P. Sibirskoe selo: ot formal'nogo samoupravleniya k vyzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-administration to the forced self-organization]. *ECO*. 2019; 4 (In Russ.).
- [16] Chayanov A.V. *Kratky kurs kooperatsii* [Short Course on Cooperation]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [17] Chayanov A.V. *Osnovnye idei i formy organizatsii selskokhozyaystvennoy kooperatsii* [Main Ideas and Forms of Agricultural Cooperation]. Moscow; 1927 (In Russ.).